

Бревно

Тяжелое было время. Холодно и одиноко. Вокруг ходили мрачные, неприветливые люди. Кто шел мимо, кто подходил ко мне вплотную и делал всякие гадости. А бывало, подберутся двое, улягутся и вовсе неприличные вещи творят.

Однажды появился бородатый хозяин леса в форменной фуражке, с топором и целой оравой сподвижников. Подошел, похлопал по мне и сказал:

— Вот! *Picea abies*. Ель обыкновенная. Будем брать, господа! — И, в знак решимости, воткнул в меня топор.

Потом было больно. Все его сообщники накинулись на меня, стали пилить, обвязали веревками, повалили, бросили в сани и увезли. Было это, как сейчас помню, в 1916 году.

Привезли меня в город, поставили, закрепили — не убежишь. Нарядили непотребно, пели песни, ходили вокруг, взявшись за руки. А после бросили неподалеку. Сначала всё порывались попилить на дрова. Однако не стали, только обрубил все ветки, да макушку отрезали. Затем и вовсе отволокли к кирпичной стенке и забыли. Тяжелое было время...

Вспомнили обо мне через тринадцать лет, весной двадцать девятого. Подошел хозяин кирпичной крепости, тоже с бородой, но не в фуражке, а в кепке. С ним опять несколько товарищей. Этот бородатый так им и сказал:

— Беритесь за бревно, товарищи!

Взяли, отнесли за угол, где никто не видел. Положили на землю.

— Хватит надрывать, — сказал бородатый. — Все свободны.

Кажется, Ильич его звали. Видный человек был, наверное — ибо затем ко мне подошел некто Феликс Эдмундович и распорядился отнести меня в какое-то помещение. Кажется, на Лубянку.

— В музей, для истории!

Тяжелое было время. В музей мне так и не довелось попасть. Был лишь сырой подвал. Спасибо, хоть на пол не клали. Была у меня своя полка возле стены, да и только. Пыль и тьма кругом — вот какая доля мне досталась.

Помещение открыли лишь однажды, в 1967 году. Тогда с инспекцией заходил Юрий Владимирович, новый глава тех подвалов, где все мы лежали. Подошел ко мне, погладил, спросил:

— То самое?

— То самое, — ответили ему.

Он кивнул молча, да и вышел.

С тех пор никто не появлялся. И только в 1992 году новый хозяин зашел с очередной проверкой. Ругался, кричал, что забили ненужным хламом все помещения. Требовал, чтобы освобождали как можно скорее. Проходя мимо моей полки, остановился, хлопнул по мне ладонью и громко спросил:

— А это что еще за херня?

Ему объяснили.

— А говорили — надувное. Неважно. Ступников! — Позвал он ответственного за хранилище. — Вот это чтобы убрали отсюда. Не знаю, как! Вон, у Кремля посади. А вы проследите! Не посадит, уволю к чертям без пенсии!

Ступникова не уволили. Весь оставшийся день он бегал по городу, искал удобрения, подкормки. Ночью схватил у себя в хранилище лопату, которой какой-то Никита Сергеевич сажал где-то яблоньку, и меня понесли.

Вынесли на улицу, положили в кузов машины и увезли. Привезли на ту самую площадь.

Ступников лично выкопал яму, воткнул меня туда, присыпал черноземом вперемешку с песком, долго подсыпал удобрения и поливал всякой гадостью из большой лейки. Напоследок притоптал землю вокруг, плюнул в меня и ушел.

Наутро появился давешний генерал. Громко смеялся до слез, потом потрепал Ступникова по зашивке, и все разъехались.

Тяжелое было время. Несколько дней подряд вокруг меня собиралась толпа с фото- и кинокамерами. Тоже смеялись, оживленно обсуждали. Однако через некоторое время на мне появились ростки, которые затем превратились в пушистые ветки. И очень скоро меня уже нельзя было отличить от соседей справа и слева.

Они рассказывали мне, как оказались возле Кремля. Почти у всех история во многом походила на мою. Однако каждый признался, что настолько невероятных событий с ним не случилось. На вопрос, как же так со мной обернулось, был только один ответ:

— Тяжелое было время.

10.01.2007